

АЛЕКСЕЙ ЯРОСЛАВСКИЙ

ОСКОЛКИ

ПОВЕСТЬ



Алексей Ярославский

Осколки

«Автор»

2025

Ярославский А.

Осколки / А. Ярославский — «Автор», 2025

«...Творчество Алексея Ярославского сильно влиянием традиции, деревенской прозы в духе Астафьева. Совершенно классический сюжет, ненавязчиво перенесённый в реалии русской глубинки девяностых, таит в себе страшную повседневность, знакомую многим, пережившим это время. Писатель сумел показать историю в высшей степени трагическую глазами ребёнка, через призму ясного детского мироощущения, без чрезмерного погружения в грязь и смакования жестокости. Умение переработать жизненный опыт, частную драму отдельно взятой судьбы в очень точный и максимально художественный образ, понятный и вызывающий эмпатию у самого искушённого читателя — в этом и заключается мастерство автора...»Евгения Решетникова, поэт, блогер, автор литературного проекта «СОЛЕРОС».

© Ярославский А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Осколки	5
✧ ✧ ✧	6
1. ДЕДУШКА МИША	7
✧ ✧ ✧	8
2. КРЕЩЕНИЕ	9
3. У ПЕЧКИ	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Осколки

Осколки

повесть

###

Творчество Алексея Ярославского сильно влиянием традиции, деревенской прозы в духе Астафьева. Совершенно классический сюжет, ненавязчиво перенесённый в реалии русской глубинки девяностых, таит в себе страшную повседневность, знакомую многим, пережившим это время.

Писатель сумел показать историю в высшей степени трагическую глазами ребёнка, через призму ясного детского мироощущения, без чрезмерного погружения в грязь и смакования жестокости. Умение переработать жизненный опыт, частную драму отдельно взятой судьбы в очень точный и максимально художественный образ, понятный и вызывающий эмпатию у самого искушённого читателя – в этом и заключается мастерство автора.

Евгения Решетникова, поэт, автор литературного проекта «СОЛЕРОС»

1. ДЕДУШКА МИША

Дедушка Миша строгий очень. Побаиваюсь я его, особенно ремня «армейского». Этого не только я – все мальчишки в деревне боятся. Тяжёлый такой ремень, с железной пряжкой.

– На вас припас, – приговаривал частенько дедушка, – коль хулиганить будете. И тебе, Тёмка, достанется.

Но так-то он добрый и смешной. Каждый раз выходит на крыльцо меня встречать и как давай чихать!

– А-а-пппхх-чи! А-а-ппхх-чих! – раздаётся на всю округу.

И во дворах тотчас залают-завоют собаки, курицы вмиг разлетаются по сторонам.

– Опять табуку нанюхался, – проворчит бабушка, а мне от этого ещё смешней станет.

Табака летом много вырастает: и в огороде, и вокруг дома. Листья у него огромные, похожие на капусту, только невкусные и не пахнут ничем.

А ещё я у дедушки иногда ночую, и он мне сказки читает. Книжка, правда, у него только одна, но большущая и с красивыми картинками.

– Деда, расскажи, почему у тебя борода есть, а на голове волос нет? – люблю спрашивать я, сидя у него на коленях.

– Что, не интересна сказка-то?.. Елозишь.. Я говаривал тебе уже... – Он грозил мне пальцем, откладывая книгу.

– Ну расскажи, ну пожалуйста...

Дедушка ещё до того, как я родился, на вертолётах летал. И форма у него сохранилась, красивая, в шкафу висит – он мне показывал.

– Раньше не растил я, внучок, бороду, не принято это у нас было. Летали мы недалеко, и то – если случай какой. Сам вертолёт немаленький, а лопасти-то крутятся вот такие! – дедушка широко разводил руки в стороны и, понимая, что я снова засмеюсь, улыбался. – Шлем не любил я надевать, вот мне волосы и сдуло!..

###

Очень морозно сегодня, пустынно на улице. Деревья красивые, белые, прямо как узоры на окнах.

Утром родители замотали меня в одеяло, уложили в плетёные санки и повезли в гости к бабушке.

Дома у него, на кухне, рядом со слегка потемневшей от сажи печью, был накрыт большой стол. На нём дымилась горячая картошка, стояли маленькие баночки с солёными грибами и огурцами и ещё несколько бутылок с мутноватой, похожей на воду, что в песчаном карьере, жидкостью.

Гостей было немного. Все сидели спокойно, тихо разговаривали, потом на секунды замолкали, и молчание это вновь прерывал тяжёлый вздох:

– Эх, упокой, Господи, душу... – дядя-священник, как мне его назвала мама, постоянно вставал с занимаемых им двух стульев, говоря какие-то непонятные слова, и все тут же поднимались за ним. – Помянем!

За столом стало скучно, и внимание моё привлекли стоящие у печи ухваты. Подойдя к ним и взяв один хват в руки, я попытался его поднять, но он с грохотом завалился набок.

Побоявшись отцовского окрика да и ремня бабушкиного тоже, я быстро спрятался у двери. «Ну вот, мамка отругает, не надо было к этой печке прислоняться», – с досадой подумал я, оглядывая белёсые пятна на штанах, и вышел из кухни в просторную комнату.

Посреди неё на стульях лежал большой, красивого бархатного цвета, ящик.

Пытаясь разглядеть, что же там внутри, я подошёл ближе и встал на цыпочки. Там спал бабушка Миша. Его лицо было таким же строгим, а борода, на удивление, гладко расчёсана.

Тихо, чтобы не разбудить его, я прокрался в сторону полатей. Надо и тут потише сидеть, пока дед не проснётся. Но чем заняться? Гулять-то точно не пойду, холодно...

Пока мысли бегали в моей голове, я случайно заметил на полу маленький осколок печного кирпича, похожий на мел, поднял его и стал осматривать комнату, нет ли какой-нибудь дощечки.

К стене, у окна был приставлен такой же ящик, что и на стульях. Он был мягким на ощупь, чуть шероховатым, как кофта мамина. Подойдёт...

– Вы посмотрите! Художник! – не успел я подумать о маме, как позади раздался её громкий голос. – Да где хоть он увидел, как православный крест рисовать?!

2. КРЕЩЕНИЕ

Зимние короткие дни стали ещё морознее. На улице, в сугробах вдоль дороги, стояли новогодние ёлки. Они блестели на солнце остатками дождика и мишуры, которой недавно наряжали все комнаты в домах. Не украшены были, наверное, только наш дом и дедушкин – нельзя, когда человек умер.

Я только пошёл в первый класс, а уже столько уроков пропустил. В этот раз на неделю освободили из-за какого-то карантина, погулять бы подольше, да только отец не отпускает.

– Почто голым посреди храма выставили... – очнувшись от размышлений, услышал я ворчание горбатой бабули, несущей в руках красивую, большую – аж до пола – свечу. За бабулей шёл батюшка. Несмотря на холод, пот ручьём стекал с его лица.

– Преподобный отче наш, Серафи-и-ме, моли Бо-о-га о на-а-с... – подхватывал дребезжащий, как упавшая на пол кастрюля, голос пожилой певчей.

Здесь, у этой церкви, я был на похоронах дедушки. Тогда и решили меня крестить, а за это мама пообещала сладкий подарок. Сладости мне достаются редко, поэтому хоть и неловко, что раздели, но потерпеть надо.

Напротив меня стоял большой чан с водой, в который будут меня окунавать. Хорошо, что тёплая в нём водичка – дали потрогать, когда наливали.

– Ми-и-ром Господу помо-о-лимся-я-я... – растянутое пение эхом раздаётся до самого потолка.

Я не слушаю, замороженно рассматриваю красиво разрисованные стены: там много людей с крыльями, как на картинках из дедушкиной книги. Есть и простые люди, в таких же одеждах, что и у батюшки; только бороды у них красивее – белые, аккуратные.

А всех выше, в облаке – Боженька. Я сразу понял, что это он. Взгляд его грустный, а руки разведены в стороны, будто хочет он обнять всех, но не идёт никто.

– В слы-ы-шание веры... – священник маленькой кисточкой начал щекотать мне уши и, всего обмазав ею, посадил меня в чан.

И хорошо, а то я уже замерзать начал: на улице мороз, вон все в шубах и куртках стоят.

– Креща-а-ется ра-а-б Бо-о-жий Арте-е-мий.. – непонятные слова кажутся мне страшными. Я закрыл глаза. Что сейчас со мной будет? Молния ударит?

Неожиданно батюшка замолчал.

Последовало изумлённое аханье, я протёр глаза от водяных брызг и увидел, что в церковь зашёл человек. На нём не было ни куртки, ни обуви – только штаны и белая, наспех надетая, рубашка. Волосы его были длинными, спутавшимися.

Шатающейся походкой он прошёл в резные двери, откуда сегодня выходил священник; отодвинул большую золотую книгу на красивом, сочно-зелёном, как летняя трава, столе, и ловко запрыгнул на него.

– Опа! Какой раб?! Божий, говоришь? – услышал я постепенно повышающийся голос. – Рабы есть, а Бога-то нет! Что вы тут, дураки, стоите?! Нет Бога, слышите!

Сгорбленная бабка, которая всё это время стояла рядом со мной, с тяжёлым вздохом села на пол. Начался гул, все перекрикивали друг друга:

– Да он же пьяный!

– Кто-нибудь из алтаря его выведите! Куда, дурак, на престол сел?!

Батюшка поспешно взял меня на руки, обернул в полотенце и передал маме. Быстрыми шагами он пошёл к сумасшедшему и закрыл за собой двери, с которых грустно смотрели на меня нарисованные крылатые люди.

3. У ПЕЧКИ

Я люблю смотреть на огонь. Обычно, пока топится печь, я сижу напротив горнила и наблюдаю, как быстро растворяются поленья в множестве пляшущих огненных язычков.

Сегодня дома тепло и спокойно. Мама прибралась, постелила чистые половики в зале – можно даже босиком ходить, только щекотно становится. За стеной, у нашей единственной соседки Клавдии Петровны, раздаётся музыка из телевизора.

Сегодня родители вместо водки пьют чай. Мама привела к нам в гости дедушку Васю, своего папу, дома ему одному скучно. Мне его очень жалко, потому что слепой. Мог бы жить и у нас, но отец говорит, что места мало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.